

ВОДНЫЕ ГОРОДА И ИХ МОСТЫ

Ингемансон Биргитта,

заслуженный профессор эмерита

Вашингтонского государственного университета

В 2013 году я посетила оба моих «водных города» и посмотрела на них изнутри, и хотя сейчас они от меня далеко, их образ продолжает возвращаться ко мне вновь и вновь. Я люблю два этих города: Стокгольм дал мне жизнь, семью и поцелуи пропитанного солью воздуха, а «Владик» – это дом моих дорогих друзей, одним из которых, что совсем не удивительно, является сам пейзаж. «Незабываемые синие холмы» (А.Э. Хаусмен) – сопки – спускаются к морю, обрамляют его и создают вместе с ним панораму потрясающей красоты, томления и эмоциональной наполненности, а пролегающие над водой мосты, волшебным образом соединяя сушу, в один миг превращают печаль в задумчивую надежду и пробуждают вдохновение. Эти духовные узы реальны. Одна молодая женщина сказала как-то, что все её заботы и тревоги, сколь серьезны бы они ни были, – «сходят на нет, стоит ей только совершить прогулку вдоль моря». А Элеонора Прей считала, что вид сопки и моря действует на неё, как целительный бальзам.

Да, мой водный град Владивосток! Ты не так стар, как Стокгольм, и не столь известен, как Санкт-Петербург, но ты можешь гордиться тем, что соединяешь море и сушу так же ярко и волнующе, как и они. Застройку городов можно уподобить тому, как обставляют мебелью помещение или высаживают деревья в саду с той только заметной разницей, что помещения малы, а города велики, и очень много раздаётся громких голосов, заявляющих о своих политических или организационных предпочтениях. Воинственное наступление моих водных городов на сушу бросается в глаза: Брункебергсосен, могучая каменная гряда в

центре Стокгольма, уничтоженная много веков назад, вершины владивостокских сопки, срезанные сравнительно недавно, – все это вандализм, направленный на окружающую среду, оправдываемый насущными потребностями в создании инфраструктуры и организации производства. И, тем не менее, водные города планируются таким образом, чтобы создать единое жизненное пространство с реками, береговыми линиями и островами, которые они в себя вбирают, и, самое главное, чтобы суша и вода в них не были отделены друг от друга, а составляли единое целое.

Рельеф Владивостока с северной стороны бухты являет собой незабываемое зрелище. Земля резко вздымается с трёх сторон и образует обширный полукруг, словно амфитеатр на открытом воздухе, ярусы которого обращены к водному «просцениуму», каковым является бухта Золотой Рог. Описывая празднества, устроенные во Владивостоке в мае 1896 года по случаю коронации Николая II и Александры Федоровны, Элеонора Прей писала: «... Сколь ни красиво было праздничное убранство [центра города], иллюминация [вокруг него] намного его превзошла. Положение Владивостока особенно хорошо для вещей подобного рода, поскольку гавань почти полностью окружена сопками, так что, если смотреть с бухты, иллюминация представляется поднимающейся террасами».

Скопления близких многоквартирных домов – «хрущевок» – довольно, все-таки, живописно разбросаны по этому обширному пространству, а их ряды и полукружья плавно спускаются по склонам к воде, образуя своего рода каскады. Поскольку склоны сопки представляют собой своеобразные смотровые площадки, обращённые к морю, водные города используют их стратегически – так, чтобы водное пространство находилось в поле зрения и люди, если им того захочется, могли бы общаться с ним. Во время учёбы

КНИГА-БИБЛИОТЕКА-УЧЕНЫЙ

в гимназии я регулярно поднималась по извилистым улочкам на вершины утесов в южной части Стокгольма – Сёдере, чтобы просто полюбоваться видом, открывавшимся сверху. С восточной стороны проход между внутренним рейдом гавани и началом архипелага вызывал в памяти быстрое кружение в пляске в летние месяцы на островах. Сидя на своем обзорном пункте, я считала точки церковных звонниц на горизонте, забывала о домашнем задании и предавалась мечтам о будущем. Что ждет меня в жизни и смогу ли я когда-нибудь, как мой отец, пересечь океан и увидеть мир?

Иногда называемые «водными покоями», все эти городские уголки, располагающиеся вдоль рек или береговых линий – кафешки, кафе-мороженое, солнечные дворики, беседки, пикниковые зоны, пирсы и даже нагромождения скал вдоль пешеходных дорожек – настраивают на уединённость точно так же, как и на весёлые посиделки в компании с друзьями. Я пишу эти строки, слушая Отиса Реддинга, и я уверена, что его звучащие сожалением слова о «трате времени» на «причале в бухте» – это свидетельства не столько огорчения, сколько жизненных устремлений, навеваемых морем. Он погружён в раздумья, а весь его мир рядом с этой бухтой – там, где шумит прибой. Так и во Владивостоке, где обновлённые набережные вдоль Амурского залива с их изысканными фонарями классической формы отражают движение и индивидуальность моря. Ненастным октябрьским утром я была там с подругой, и мы боролись с сердитым ветром, словно стегавшим нас острыми иголками («Вот вам! Вы со мной или против меня?!»), но мы устояли, а его пропитанные солью порывы только придали нам бодрости. Когда мы вернулись на пешую улицу Фокина, наш недруг, ставший вдруг помощником, потащил нас вверх по склону в какое-то кафе, где чашка чая для неё и кофе для меня, беседа о поэзии и музыке вперемешку с разговорами о том, что нового на работе и в жизни, позволили нам приятно продолжить наш выход в город.

Набережную Цесаревича вдоль бухты Золотой Рог тоже обновили с большим вкусом, и она сделалась чудесным местом, где можно гулять, а также кататься на скейтбордах и велосипедах. Я с удовольствием наблюдаю за людьми, которые туда приходят: за детьми с их папами по утрам в воскресные дни, подростками, проносящимися мимо с невероятной скоростью, влюбленными парочками, не замечающими окружающих (что вполне естественно) и неизменными владельцами собак со своими четвероногими друзьями. Столь милую среду способны создать только такие города, где разумно практикуется вторичное использование старых мест, фоном которым служат сохранённые кирпичные здания, словно светящиеся изнутри.

Хотя острова водных городов и разбросаны по окружающему их морю, они представляют собой отнюдь не изолированные единицы, существующие сами по себе, но, как остров Попов или Шепсхольмен (остров Кораблей), являются звеном в цепи городских районов. Внушительный новый комплекс на острове Русский, где осенью 2013 года начал свою работу Дальневосточный федеральный университет, изящно обрамляет изгиб бухты Аякс с замечательной набережной и парком, в котором растут образцы местной фауны. Каждое утро перед лекциями я обходила это прибрежное великолепие и чувствовала себя поистине как в небольшом волшебном лесу. Он был наполнен отзвуками моря: пруды, ручьи, фонтаны сочетались с различными скальными образованиями, а перемежавшиеся ароматы и краски листвы вместе с мостиками – каменным и деревянным, перекинутыми через овражки, – делали каждый мой приход туда живительным и новым. Ничто не могло так замечательно настроить на предстоявшие днём оживленные дискуссии, как эти прогулки, за которым следовал завтрак – омлет и сырники в кафетерии окнами на море.

В водном городе Стокгольме самыми счастливыми днями были те, которые я провела с сестрой. Нас связывали

КНИГА-БИБЛИОТЕКА-УЧЕНЫЙ

прямые и искренние отношения. Она часто говорила, что бывает просто вне себя от радости от того, что нам «не приходится объяснять объяснимое», а когда наши жизненные пути полностью разошлись, наши отношения ничуть не изменились. Однажды, поддавшись внезапному побуждению, мы сели на паром, шедший на один из островов. Погода была необыкновенно теплой для мая – ни дождя, ни тумана, и мы хорошенько запаслись, о чем всегда заботилась Беппан, красным вином, хлебом и сыром, а также небольшим ковриком, чтобы можно было расположиться на земле. И вот, устроившись на берегу уютной бухточки между двумя плоскими гранитными плитами, мы провели там долгие часы, разгадывая загадки любви, смерти и жизни. Вода, плескавшаяся у скал, смягчала наши обычные разногласия, и головы нам кружил беззаботный смех, словно мы находились в компании бардов. Это были не последние часы, которые я провела с сестрой, но почти.

На пароме в Стокгольме

Паромы – это своего рода «передвижные мосты», тогда как настоящие мосты, в противоположность им, к услугам всегда – они на берегу в полной готовности, и их не нужно ждать по расписанию. Ещё важнее то, что они всегда представляют собой великие произведения искусства – в конкретном смысле (инженерная работа) и в символическом (как связующие звенья). По практическим соображениям, люди обыкновенно глядят на водное пространство со стороны суши, но мосты меняют это обыкновение так, что захватывает дух, когда с них открывается завораживающая панорама самой земли. Не только высота – положение *над* водой, но и расстояние между смотрящим и объектом усиливает зрительное впечатление. Городские высотки со стороны моря можно легко охватить глазом. Площади с их брусчаткой или углы улиц приобретают прямо-таки картографическую четкость. С мостов можно видеть гораздо дальше и постигать ещё глубже.

Глядя в сторону востока с Вэстербронна (западного моста), я стояла как бы на краю широкой арки, которая вбирает в себя три стороны Риддарфьерден (залива Рыцарей) и с которой единым взглядом можно охватить происходившее на протяжении многих лет экономическое и социальное развитие города. На северном и южном берегу находятся старые фабрики и склады, жилые постройки и дорогие кондоминиумы, но над восточным берегом залива доминирует Старый город, обоснованно гордящийся своей исторической ролью. Это там остроконечные здания и узкие, людные улочки до сих пор позволяют определить, где проходил овал прежней городской стены, озеро Мэларен встречается с морем, а Старый город и два его острова-спутника, похожие на крепость, связуют воедино северную и южную сторону Стокгольма. С высоты Вэстербронна я вижу солнце, поднимающееся за мою аркой, которое скоро заиграет на трёх золотых коронах на верхушке Ратуши и которое предвосхищает такой же восход, какой я увижу во

КНИГА-БИБЛИОТЕКА-УЧЕНЫЙ

Владивостоке. Я еду с коллегами в южном направлении по новому мосту на остров Русский. Внезапно верхняя часть солнечного диска с его сводчатой формой показывается из-за линии морского горизонта слева от нас, озаряя небо и воду красноватым сиянием – таким ярким и тёплым, что мы невольно улыбаемся. Своим естественным блеском и без излишних ухищрений Владивосток подтверждает свой тихоокеанский статус: мало ещё какой город встречает солнце первым.

Прогулки на катере – ещё один способ увидеть землю со стороны. Так сказал Морфар, отец моей матери, когда мы вместе отправились на экскурсию под названием «Под стокгольмскими мостами». Во время движения катера по воде комментарии гида оживляли виды берегов, их флору и фауну, историю и архитектуру, и успех рассказчика зависит, как всегда, не столько от самой информации, сколько от её подачи. Увлечённый молодой человек, аспирант, специализирующийся по истории и работающий в летнее время гидом, просто расстроился от того, что его экскурсанты в тот день, похоже, не имели того полного и должного представления о «Стокгольмской кровавой бане», каковое, как он полагал, нам подобало. Расправа над восьмьюдесятью шведами, устроенная датскими захватчиками, произошла в 1520 году на главной площади Старого города – Сторторгете, и наш экскурсовод в красках расписывал, какой вид имели обезглавливаемые люди, какие стояли запахи, какие раздавались звуки, и как по крутым проулкам стекала кровь. Даже я, убеждённая любительница истории, сочла подобные описания чересчур натуралистичными для обычной морской экскурсии (этой площади с моря даже не видно). Но, глубже вникнув в тему, понимаешь, что некоторые страницы истории, если смотреть на них с моря, могут иметь свою привлекательность.

Владивосток в настоящее время располагает тремя впечатляющими мостами, и плавание под ними тоже может

вызывать исторические ассоциации, отражающие определённые вехи его многолетнего развития. Начните хотя бы с похожего на дворец торгового дома «Кунст и Альберс», который в былые времена очень живописно смотрелся с бухты Золотой Рог: фасад его обращен к морю (в сторону от главной улицы), словно для того, чтобы произвести впечатление на тех, кто сходит на берег. Впоследствии это здание оказалось заслонено другими, но слава его торговой марки осталась. Представьте себе детей 1912 года – например, маленькую Ариадну Белову, которая на девятом десятке лет просто светилась от радости, рассказывая про тамошний отдел игрушек. И представьте себе тот же «Кунст и Альберс», открывшийся в 1934 году в качестве Государственного универсального магазина – ГУМа, число посетителей которого в первый день составило внушительную цифру – 14 тыс. человек.

А в другом месте, возле моста, пересекающего Амурский залив, можно вспомнить о том, как в начале 1900-х годов на полуострове Де-Фриз кипела дачная жизнь. Сегодня на это место смотришь с горестью: при прокладке нового шоссе, ведущего к аэропорту, был частично разрушен южный мыс и западный берег, но память о тех временах не исчезла. Популярны пешие туры по городу, организуемые музеем имени В.К. Арсеньева, свидетельствуют о том, что экскурсии по морю могли бы удачно их дополнить.

Сама форма моста – так же, как и форма круглого стола, подразумевает связь, взаимоотношения. Это нечто большее, чем просто линии из металла, идущие от этого места до того, или помещение, отведённое для дипломатических переговоров: они предполагают присутствие человека и перемещение в пространстве. В то время как мосты – это реальные труженики, доминирующая над ними водная стихия, будучи «членом команды», помогает глубже проникнуть в суть вещей. Один из моих любимых «водных уголков» во Владивостоке – это мрачноватая часть берега на

южном окончании полуострова Шкота возле косы, где стоит Токаревский маяк. Несмотря на ветреный день, мы с одной моей приятельницей насладились там живой, глубоко запавшей в душу беседой. Мы сидели на грубой скамье, и у нас не было ничего, чтобы устроить какое-нибудь подобие пикника, но предельная близость воды создала настроение взаимного доверия. Вода – чудесная напарница для городов и людей, а воплощаемые ею контрасты очень близки нашим собственным. Она – в беспрестанном движении, но при этом остается собой. Она может неистовствовать, придя в ярость, но её внутренняя сущность приносит умиротворение. Может быть, это как раз то качество, которое мы ощущаем, находясь

возле воды: проветривая наши головы и сердца в соседстве с нею, мы утверждаемся в своём собственном непоколебимом спокойствии.

*Посвящается Алле Федоровне Прияткиной,
с благодарностью за её чудные владивостокские
воспоминания, когда мы сидели под липой
у великолепной приморской бухты.*

Декабрь 2014

Перевод А.А. Сапелкина